ПИОНЕРЫ-ГЕРОИ

НИНА КУКОВЕРОВА

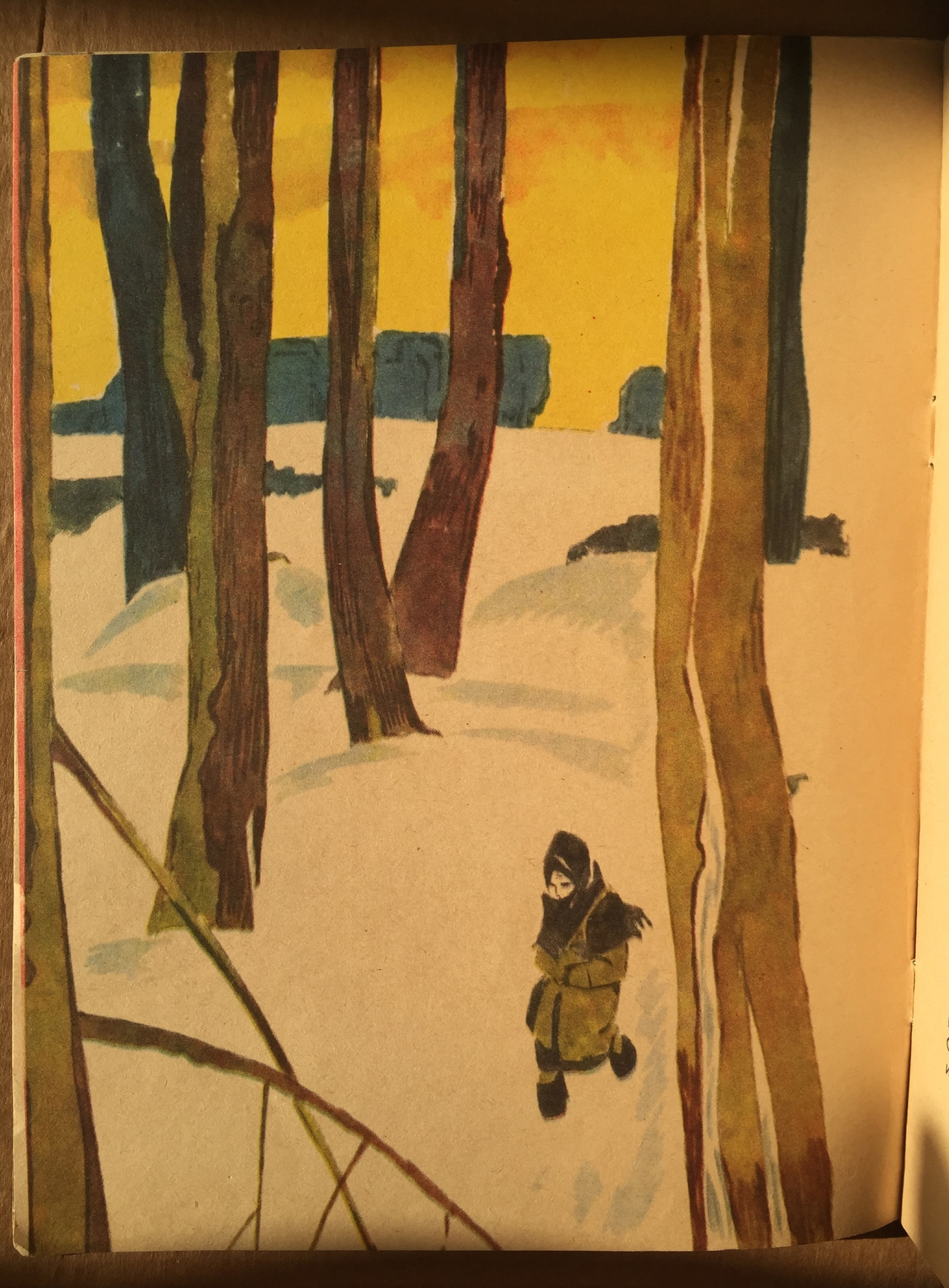

Б. РАЕВСКИЙ

НИНА КУКОВЕРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» · МОСКВА · 1982

В короткой ветхой шубейке, с залатанной холщовой торбой через плечо, в сумерки возвратилась Нина в занесённую снегом лесную землянку.

Много бездомных голодных мальчишек и девчонок бродили в те тяжёлые времена из деревни в деревню, стучали в хмурые, тёмные окна изб, выпрашивая горсточку пшена, корку хлеба. И Нина, чтобы не привлекать внимание немцев и полицаев, делала, как все.

В партизанской землянке её встретила подруга Катя:

— Ну, как?

— Потом, — устало пробормотала Нина.

В землянке было тепло, иззябшую, голодную Нину сразу разморило. Очень хотелось есть, но ещё больше спать: трое суток скиталась по дорогам. Нина легла на широкую скамью возле стены, с головой накрылась шубейкой и сразу заснула.

Вот Нина видит во сне маленькую деревушку. Колодец с длинным воткнутым в небо шестом-журавлём посреди тихой улицы. Нина сразу узнаёт — это же Нечепереть!

Мать всегда на лето вывозила сюда из Ленинграда всех трёх детей: Нину и её младших братишку и сестрёнку. Пусть досыта надышатся медвяным деревенским воздухом, поваляются на травке, вволю попьют тёплого парного молока.

И вдруг — война...

И сейчас во сне Нина видит: деревня замерла, притаилась. Но вот — шум, треск... Цепочка немецких мотоциклистов ворвалась в деревню. С грохотом промчались машины мимо молчащих, словно вымерших изб. И понеслись дальше.

...А когда стемнело, в избу, где жила Нина, осторожно постучали.

Вошли трое. Один высокий, под самый потолок, в сапогах и выго-

ревшем пиджаке. Пиджак был ему маловат: казалось, наклонись — треснет в плечах.

Двое других были пониже и помоложе и не прошли в избу, а остановились у двери, привалившись к косяку.

Первый — его звали Тимофей — обвёл Александру Степановну и детей изучающим, внимательным взглядом и негромко, властно, так, словно он здесь был хозяином, а не пришельцем, спросил:

— Куковеровы? Ленинградцы?

Александра Степановна, мать Нины, торопливо кивнула.

Огромный Тимофей, шагая удивительно легко, неслышно подошёл к окну, поверх занавески долго вглядывался во тьму. Вернулся к столу, сел. Подозвал Нину.

Спросил, как зовут, в каком классе. Пионерка? А немецкий знает? Нина отвечала, чуть подумав перед каждой фразой.

Это, видимо, особенно понравилось партизану.

«Серьёзная. Хоть и маленькая, а серьёзная...»

Тимофей не знал, что Нина заикалась. С малых лет выработалась у неё привычка: прежде чем сказать что-то, сосредоточиться, сперва мысленно произнести ответ и только потом уж — вслух. Тогда звуки не цеплялись, не застревали.

— Ваш дом — крайний в деревне. Так? — сказал Нине Тимофей. — Издалека виден.

Девочка кивнула.

— Поручение тебе, — Тимофей положил свою огромную руку ей на плечо. Нина была худенькой, и плечо утонуло у него в ладони. — Когда немцы в деревне — вывешивай бельишко на плетень. Ну, будто стирала. Полотенца там, наволочки... Понятно?

— Чего ж тут не понять?! Сигнал! Висит бельё: «Стой! Не входи! В деревне немцы!» Нет белья: «Пожалуйста, рады гостям!»

— Смотри, — строго сказал Тимофей. — Не подведи!

— Не подведу! — твёрдо пообещала Нина.

С тех пор, как только в деревне появлялись немцы, Нина хватала старенькую скатерть, совала её в бак с водой и вывешивала мокрую на плетень там, где он был обращён к лесу, к реке.

А потом Нина и совсем ушла к партизанам.

* * *

— Нина, да Нина, проснись же...

Нина с трудом открыла глаза.

Перед нею стояла Катя, осторожно, но настойчиво трясла за плечо.

— Вставай. Часа три уже спишь. Батов зовёт.

Нина сразу вскочила. Батов — командир отряда. Значит, что-то важное... Быстро сполоснула лицо, пригладила волосы.

В командирской землянке было тихо. Батов сидел один у грубо сколоченного стола.

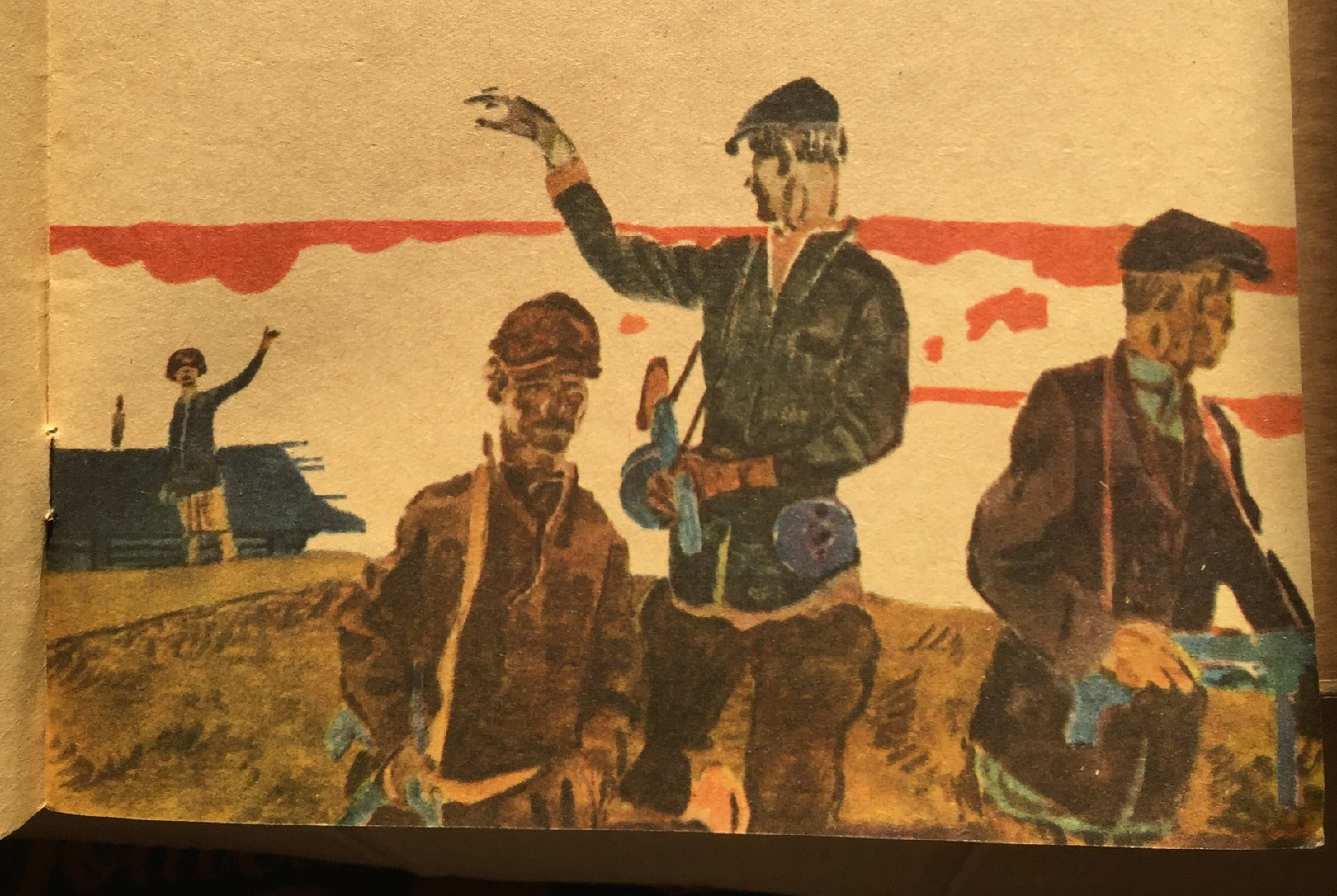
— Ну, дочка, рассказывай...

Нина проглотила комок в горле. У неё всегда слёзы подступали, когда Батов называл «дочкой».

Отец Нины недавно погиб на фронте. Он был артиллеристом. Никогда уже отец не назовёт её дочкой.

Батов, как нарочно, очень похож на отца. Впервые придя в отряд, Нина даже удивилась. Нет, не таким представляла она себе боевого партизанского командира. Ни кожанки, ни револьвера на боку, ни папахи, ни патронных лент на груди. Обычная сатиновая косоворотка, даже не сапоги, а ботинки с калошами, и залысина надо лбом. Худощавое лицо, усталые глаза. Таким вот приходил отец с фабрики после смены.

...Нина подробно рассказала Батову, где она побывала за эти трое суток, что видела.

— Так, — Батов встал, сделал несколько шагов по тесной землянке. Внимательно, словно первый раз видел, оглядел Нину.

Волосы чёрные-чёрные, гладкие и блестят, будто полированные. И сама смуглая, и глаза чёрные. Галка.

«Приметная, — покачал головой Батов. — Для разведчицы это ни к чему. Чем незаметнее, тем лучше. Может, кого другого послать? — подумал он. — Нет, смелая девчушка и толковая...»

— У меня к тебе дело, дочка, — сказал он. — Трудное дело...

Задание было и впрямь нелёгким. Батову стало известно, что неподалёку, в деревне Горы, расположился на отдых немецкий карательный отряд. Сильный отряд. Прислан, чтобы разгромить окрестных партизан.

— Понимаешь, Нина, — Батов в упор посмотрел девочке в глаза. — Необходимо точно узнать, где у них пулемёты, орудия, сколько солдат, в каких избах офицеры.

Нина кивнула.

— Вечером или ночью подобраться к Горам нетрудно, — задумчиво продолжал Батов. — Одна только беда: немного и увидишь-то в потёмках... А днём — днём рискованно...

Нина на секунду представила себе тёмную ночную деревню, редкие блики света на снегу, одинокие фигуры часовых. Нет, ночью толком ничего не выяснишь...

— Пойду утром, — сказала она. — Завтра утром...

Чуть свет Нина надела свою потрёпанную шубейку, крест-накрест повязала старенький платок, перекинула через плечо холщовую торбу и зашагала.

До Гор было километров пятнадцать. Нина шла и шла, настороженно посматривая по сторонам.

Утоптанная, побуревшая от колёс и полозьев просёлочная дорога тянулась вдоль заметённых сугробами полей. У моста Нина свернула, пошла еле приметной в снегу тропкой. Так короче. И встречных меньше...

Чего только не передумаешь, шагая по огромной, пустынной снежной равнине!..

Опять вспомнился отец. Вот они вдвоём на катке. Нина ещё совсем маленькая, коньки разъезжаются, она больно шлёпается...

— Не трусь, Нинок! — хохочет отец.

...Идёт и идёт Нина по заснеженной тропке. Узкая дорожка вильнула, ушла в лесок. И Нина зашагала меж молодых, покрытых снегом берёзок и осин.

«Побегать бы тут на лыжах! По горушкам», — подумала Нина и засмеялась — таким нелепым показалось ей это внезапное желание.

До лыж ли теперь?! Нине даже трудно представить себе, что когда-то, всего года два назад, она любила с весёлым криком, с шутками бегать наперегонки с мальчишками по скользкой, будто навощённой лыжне. А кажется, это было так давно!.. И было ли это?..

Километров десять уже прошла Нина. Вскоре увидела: навстречу идут два немецких солдата.

Нина изо всех сил старалась не убыстрять и не замедлять шаги. «Главное — выдержка», — учил Батов.

Приблизилась к немцам, хотела пройти мимо, но один из солдат остановил её.

— Куда гейст ду, медхен?

Нина объяснила, как делала уже не раз: идёт к тётке. Назвала деревню неподалёку от Гор.

Говорить Нина старалась поменьше и медленно.

«А то ещё начну заикаться. Подумают — от страха...»

— Гуд. Ходи свой тётка.

Нина пошла дальше.

Вскоре показались Горы. Деревня стояла на холме, окружённая редким леском. Избы извилистой цепочкой сбегали вниз с холма до замёрзшей, заметённой снегом реки.

Когда до деревни было уже совсем близко, Нина притаилась в кустарнике. Стала наблюдать...

Вот возле одного дома, стоящего на самой вершине, — часовые. Сюда то и дело подходят офицеры с солдатами. Солдаты остаются на улице, офицеры входят, выходят, что-то приказывают солдатам.

Возле дома — автомашина и два мотоцикла.

«Пожалуй, штаб, — думает Нина. — И место фрицы выбрали удобное. С горки всё как на ладони...»

Неподалёку от штаба — какой-то большой сарай, возле него тоже часовой. И тоже суетятся люди. Но что в этом сарае — не понять.

Внизу возле реки немцев почти не видать. Домишки стоят тихие, без дымков, словно нежилые.

«Так, — подумала Нина, — значит, центр у них на холме...»

Она пряталась в кустарнике уже долго. Мороз всё настойчивей проникал сквозь ветхую шубейку.

«Обойду деревню, — подумала Нина, — посмотрю, что там. И согреюсь заодно. А то на одном месте — зазябну совсем...»

Крадучись, стала пробираться сквозь кустарник. Вдруг замерла. Послышался какой-то шорох, урчание. Что бы это? Нина настороженно прислушивалась.

Рядом вдруг вынырнул пёс. Чёрный, огромный, с налитыми кровью глазами. Язык его, мокрый, вывалился из пасти и свисал, как тряпка.

— Ой! — тихонько вскрикнула Нина.

Всегда она боялась собак. Боялась так, что при встрече с ними у неё всё мертвело внутри. И надо же — именно сейчас этот чудовищный пёс. Он не лаял, только рычал, и от этого было ещё страшней.

Так они и стояли: долго, неподвижно, девочка и пёс. Собаки чуют, когда их боятся. И этот пёс тоже, наверно, чувствовал, что девочка смертельно напугана.

«Ну, — в душе молила Нина. — Ну, пёсик, не стой же, иди себе гуляй...»

Но пёс не уходил и, казалось, готов так стоять вечно. Внутри у него по-прежнему урчало, словно там работал мотор.

Собрав всё своё мужество, Нина сделала шаг... Но пёс сразу так ощерился, лязгнул огромными жёлтыми клыками, что девочка тотчас остановилась.

И опять они долго стояли неподвижно.

«Ещё залает, — подумала Нина. — Выдаст...»

Решила: сосчитаю до пяти и пойду. Медленно стала считать. Но когда прошептала «пять», пёс вдруг так грозно фыркнул, что Нина замерла.

«Снова», — приказала она себе.

Досчитала до пяти и тут же, чтоб чего доброго не передумать, пошла. Сердце у неё колотилось часто и прерывисто. Но она шла. Пёс неслышно ступал за ней.

«Не оборачивайся, — велела себе Нина, — пусть он не воображает...»

А оглянуться так хотелось! Может быть, пёс приготовился прыгнуть? Укусить?.. Но она шла и шла.

«Вон у той берёзы, ладно, оглянусь», — решила она.

Дошла до берёзы, осторожно посмотрела через плечо. Нет! Пса нет! Она повернулась всем телом, всё ещё не веря. Неужели?!

Пёс исчез.

Нина повеселела. Быстро зашагала. Только сейчас почувствовала, как замёрзла. Тайком, где прячась в кустах, где перебегая от дерева к дереву, обошла вокруг Гор. Больше ничего важного не обнаружила.

«Маловато. Придётся зайти в саму деревню. Остановят? Ну и что? Побираюсь, и весь сказ. Зато всё-всё высмотрю».

Вышла на дорогу, не торопясь прошла мимо часового. Он поглядел на девочку, но ничего не сказал.

Медленно брела Нина по деревне. Краешком глаза всё замечала. Ого! Вот у штаба — миномёт. Она раньше не видела его.

А вот в этом доме под железной крышей, наверно, живут офицеры. Вон трое их вошло. Оттуда доносился вкусный запах, денщик у крыльца, закатав рукава, щиплет курицу, слышны звуки губной гармошки.

Чтобы задержаться тут, осмотреться, Нина постучалась в соседнюю избу, попросила хлебца. А сама всё глядела на дом с железной крышей.

Хозяйка, сердитая старуха, сунула ей картофелину.

И тут у Нины вдруг мелькнула хитрая мысль.

— Бабушка, — жалобно сказала Нина. — Пусти чуток погреться. Совсем зазябла...

— Ладно уж, — не слишком приветливо отозвалась старуха.

Нина шагнула в избу. Сразу обдало теплом и запахом щей. Постояла у печки, потом прошла к окошку.

Вот это — НП! Наблюдательный пункт — другого такого не сыщешь. Слева через дорогу — штаб. Да, теперь Нина уже не сомневалась — это штаб. Вон вылез из машины и по-хозяйски неторопливо прошёл к дверям высокий костлявый офицер, часовой сразу вытянулся. Видимо, важная птица.

Вот на полном газу подлетел к крыльцу мотоциклист и, показав пакет часовому, чуть не бегом вскочил в дом.

А это что? Прямо напротив — тот большой сарай, который Нина видела из кустарника. И тоже часовой. К сараю подъехал грузовик. Солдаты что-то сгружают. Но что — Нине не разобрать.

— Чегой-то всё около оконца трёшься? — спросила, входя из сеней, старуха. — У печи-то теплей...

Пришлось отойти от окна. Но едва старуха вышла, девочка снова бросилась к своему НП. Солдаты всё ещё разгружали машину. «Ого! Да это снаряды! А вот и орудие — из-за угла сарая торчит короткий ствол».

«Так, — обрадовалась Нина. — Значит, тут вроде бы арсенал!»

Она продолжала внимательно оглядывать улицу. А это что? Под навесом, где раньше был колхозный гараж, стояли металлические бочки. И около них — тоже часовой.

«Горючее, — догадалась Нина. — Как хорошо, что я зашла в дом. А теперь быстрее обратно!»

Она поблагодарила сердитую старуху — та лишь рукой махнула — и, стараясь не спешить, зашагала вниз под гору. По дороге считала, сколько встречается солдат.

Остановили её лишь один раз. Снова соврала про тётку. Отпустили.

Дойдя до реки, Нина повернула на тропинку в лес. Деревня осталась позади. Теперь быстрее! Быстрее к Батову!

...Под вечер она уже была в партизанском отряде. Батов расспрашивал подробно, дотошно. Потирал подбородок и повторял:

— Умница, дочка!

Обо всём рассказала Нина, только о встрече с чёрным псом умолчала.

Ещё засмеёт Батов: разведчица, а собак боится!

...Ночью Нину разбудили. В темноте бесшумно собирался отряд. Шли пешком. Только двое саней — на них пулемёты.

Когда до Гор оставалось всего с километр, Батов подозвал двух своих помощников, коротко шёпотом повторил распоряжение. Отряд распался на три группы. Нине Батов велел быть возле него.

Леском подобрались к самой вершине холма. Залегли. Было тихо. Темно. Только на холме, в деревне, светились окна в одном доме.

— Штаб, — шепнула Нина.

Батов кивнул.

В тишине прошло ещё несколько минут.

«Чего он ждёт? — беспокоилась девочка. — А вдруг собаки залают?»

Батов по-прежнему недвижимо лежал на снегу. Возле с пулемётом приткнулся Степан. Где-то рядом, невидимые в темноте, схоронились бойцы.

Вдруг раздался взрыв, и разом полыхнуло пламя. В ночи оно казалось особенно ярким. Высокие огневые языки метались по ветру, как огромный коптящий факел. Сразу стало светло.

«Бочки... Бензин....» — мелькнуло у Нины.

И тотчас грохнули разрывы гранат. Рядом с Ниной натужно залился пулемёт.

Что началось в деревне! Немцы, полуодетые, выскакивали из домов. Суетясь, бежали куда-то и тотчас падали, сражённые пулемётными очередями.

Вспыхнул штаб. Вся вершина холма теперь была как на ладони. Нина видела — трое немцев бросились к миномёту. Но тотчас по ним полоснул пулемёт...

— Так, так! — возбуждённо шептала Нина. — Это вам за отца! За Ленинград!

—Лежи! — крикнул ей Батов и вскочил на ноги: — За мной!

Партизаны бросились к деревне...

Хотелось бы мне на этом кончить рассказ о славной разведчице, ленинградской пионерке Нине Куковеровой. Хотелось бы сказать, что сейчас Нина выросла, живёт в своём родном Ленинграде, работает.

Но нет! Не дожила Нина до победы. Много боевых дел совершила она. Но однажды ушла в разведку и не вернулась. Предатель выдал её врагам...

* * *

Нина Куковерова родилась 25 ноября 1927 года в городе Ленинграде.

Училась в 74-й школе Петроградского района (ныне 34-я школа-интернат).

В дни празднования 20-летия победы над фашистской Германией Нина Куковерова награждена посмертно орденом «Отечественной войны I степени».

20 коп.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Борис Раевский

НИНА КУКОВЕРОВА

Художник В. Юдин

Редактор **О. Лебедев**. Художественный редактор **О. Ведерников**.
Технический редактор **О. Кистерская**. Корректор **Н. Пьянкова**.
Сдано в набор 29.09.78. Подписано в печать 27.03.81 60×90/8. Бум. офс. № 1. Гарн. «Джил-санс». Печать офсет. Усл. печ. л. 2,0. Уч.-изд. л. 2,31. Тираж 150 000 экз. Изд. № 872. Заказ № 424. Цена 20 коп. ТУ 29 01.3-72 По оригиналам издательства «Малыш». Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Министерство легкой промышленности РСФСР Российское промышленное объединение по производству игрушек «Роспромигрушка» Московский комбинат игрушек Москва, 125130, ул. Клары Цеткин, дом 28.

Р $\frac{70802-160}{М\ 102\ (03)-81}$ без объявл.